предисловия А. Ф. Малиновского, общность «Слова» и Оссиана: «В сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссианов». Необходимо отметить, что если в статье о Бояне в «Пантеоне российских авторов» Карамзин, подчеркивая значимость «Слова», вновь сравнивает его с Оссианом («древнее русское сочинение, достойное Оссиана»), то уже в «Истории государства Российского», специально останавливаясь на характеристике «Слова», он совершенно не упоминает имени Оссиана.

В статье о Бояне в «Пантеоне российских авторов», вышедшей в свет уже после опубликования первого издания «Слова о полку Игореве» — в 1801 г., Карамзин уже точнее, чем в 1797 г., цитирует текст «Слова о полку Игореве»: «Автор неизвестен, но в начале своей песни он именует другого песнопевца, Бояна, славит его дарования и называет Соловьем древних лет» («О Бояне, солов'ю стараго времени!»).

И письмо 1797 г., и статья о Бояне писались Карамзиным в тот период его творческой биографии, когда он еще активно занимался литературной деятельностью и только начинал подготавливаться к самому важному и большому труду всей своей жизни — созданию «Истории государства Российского». В этот период «Слово» волновало и интересовало Карамзина главным образом как счастливая находка произведения, свидетельствующего о том, что и на Руси уже в XII в. были литературные произведения, по своим поэтическим достоинствам могущие смело соперничать со столь нашумевшими незадолго до этого на Западе «древними» поэмами Оссиана-Макферсона. Для Карамзина в это время «Слово» представляло интерес не столько даже само по себе, сколько своим свидетельством о Бояне, т. е. свидетельством того, что уже до автора «Слова» «в России были великие поэты, творения которых поглощены временем!». И, по существу, первые высказывания Карамзина о «Слове» основное внимание обращают на Бояна, а не на само «Слово». Замечательно в этом отношении то, что в «Пантеоне российских авторов» Карамзин помещает статью о Бояне, а не об авторе «Слова».

В «Истории государства Российского» «Слову о полку Игореве» Карамзин уделяет очень много внимания. Здесь уже отразились и иные интересы, и иной подход Карамзина к «Слову».

В III томе своей «Истории», в заключающей обзорной — VII — главе «Состояние России с XI до XIII века», в разделе «Поэзия», Карамзин дает общую характеристику «Слова о полку Игореве» и пересказывает все содержание памятника. По существу это перевод-пересказ «Слова»: передавая развитие сюжета своими словами, он попутно приводит в своем собственном переводе отдельные отрывки древнерусского текста.

Карамзин говорит, что «Слово о полку Игореве» было написано в конце XII в., «без сомнения, мирянином». Он считает «Слово» в поэтическом отношении подражанием «древнейшим русским сказкам о делах князей и богатырей». Карамзин называет «Слово» «в своем роде единственным для нас творением», так как большинство древних поэтических произведений «исчезли в пространстве семи или осьми веков, большею частью памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь — здания и хартии».

Помимо этого раздела «Истории государства Российского», посвященного «Слову о полку Игореве», в первых трех томах «Истории» рассеяны многочисленные отдельные замечания по тексту «Слова» и выписки из памятника. Эти материалы представляют для нас еще больший интерес.

Непосредственно работой над «Историей государства Российского» Карамзин занялся с конца 1803 г. К началу 1805 г. он закончил I том. Уже в этом томе встречаются замечания по «Слову о полку Игореве» и выписки из текста.